

Юмор—доверчивый и ранимый

АВТОРИТЕТ ТАЛАНТА

БУДЬ Раневская лишь мастером смеха — один этот дар выдвинул бы ее в ряд первых актеров. Смех Фаины Григорьевны — особый, не однозначный. Исходит он не из умиротворенного положения или трюка, но из самого характера, создаваемого актрисой. Юмор ее прозрачен — он виден любому ребенку даже тогда, когда Раневская не играет...

Впрочем, играет она всегда. Любой актер мог бы принять такое утверждение за обиду, но только не Раневская. Она играет не по расчету, а по любви. Играет, как играют дети, радуясь жизни, то и дело пробуя на себе разные ее ситуации и человеческие характеры.

Вся творческая жизнь Раневской — безупречное доказательство: большому искусству чуждо бытоподобие. Сам процесс игры, механика перевоплощений для этой актрисы священны — она получает от них удовольствие, которое всегда ощущается зрителями. В каждом образе мы различаем присутствие Раневской, ее исключительной личности. Она — из семейства Чаплина и Джульетты Мазини: ее исполнительские краски чаще всего эксцентричны, но все подчинено любви к человеку или горечи за него, так что граница между смешным и грустным, смешным и горьким, смешным и обличительным почти не видна. В чеховском кинорассказе «Свадьба» актриса не шадит комически-обличительных красок, «раздвигая» образ матери невесты, что называется, «под орех», а все же ей по-человечески жаль эту дуру-мать, которая и дочь, и себя, и мужа превратила в жалкие и глупые жертвы стяжательства и ложной авторитарности.

Еще в первом своем фильме — «Пышка» Раневская показала, как немногими мазками можно написать выпуклый образ. Режиссер Михаил Ромм поставил перед собой задачу создать «коллективный портрет» буржуазии, но Раневская, не искажая его замысла, оторвалась от общего фона, она запоминалась не только как маска, но и как характер законченный, данный во всех измерениях.

Она не терпит мелочных деталей, призванных подчеркнуть «жизненность» изображаемого, и потому достигает в каждой роли самого дорогого в искусстве — типичности образа. Со многими из ее персонажей мы с юности вошли в жизнь и проживем до конца. В нашем довоенном детстве она была чудаконькой и трогательной Идой, женой портного в фильме «Ошибка инженера Кочина» и энергичной Лелей из «Подкидыша». Разные жени-

ны, они объединены тем духом, той атмосферой времени, тем стилем жизни, который был характерен для конца тридцатых — начала сороковых годов. Вспомнишь Иду, рассказывающую о сыне-полковнике, ее доверительное чтение сыновнего письма незнакомому человеку и проникновенно-материнское «Он здоров!», и нахлынут размышления о множестве судеб, которые по-новому, неожиданно и счастливо были преобразованы в первые десятилетия Советской власти. В малом, в частности, Раневская сумела увидеть огромное целое и донести благодарное ощущение этого целого в небольшом экранном монологе. Вспомнишь Лелю с ее размашистым хозяйским шагом, с ее могучим зонтом, с тоской по несбывшемуся материнству, с милым Мулей, мужем, невольным превращенным в ребенка, и увидишь солнечный мир московских улиц и площадей предпоследнего довоенного лета. Леля Раневской настолько сливается с ритмом Москвы, что даже в кадрах, снятых панорамой, определяешь этот ритм по энергичному волнению зонтика в ее руках...

Тогда она еще не знала, что через тридцать с лишним лет судьба снова сведет ее с партнером из этого фильма — Ростиславом Пляттом в спектакле, который станет особым в творческой судьбе обоих, в спектакле — апофеозе их артистизма и мастерства. Не знала, что зрители будут с нетерпением искать в сводных афишах московских театров это название — «Дальше — тишина», что станут готовиться заранее к встрече с двумя актрисами, имена которых вызывают в памяти целую эпоху, и что одним из этих актеров будет она — Фаина Раневская.

РАНЕВСКАЯ начинала трудно, но везде и всегда была счастлива: в дачном театре в подмосковной Малаховке, в театрах Керчи, Ростова-на-Дону, в Баку, Архангельске, Смоленске. Ее узнали и полюбили в ролях острохарактерных, но, когда в 1936 году на сцене Центрального театра Красной Армии она создала образ Вассы Железновой — один из сложнейших горьковских характеров, всем стало ясно, что свершилось открытие выдающегося актерского дарования. За Раневской стали следить пристально.

И она щедро удивляла неожиданностью и законченностью своих актерских воплощений в образах доверчивой и ранимой Берды в «Асиных», Хелман, старой ткачихи Агриппины Семеновны в «Рассвете над Москвой» Сурова, Бабушки в прославленном ее исполнением спектакле Московского театра имени Пуш-

кина «Деревья умирают стоя». Проникновением в трагический мир «странной» миссис Сэвидж, мир мудрости и нравственной чистоты женщины, взбунтовавшейся против жестокой морали денег, которые калечат судьбы людей.

Не было случая, чтобы спектакль или фильм пострадали из-за Раневской. Но Раневская иногда страдала из-за плохих фильмов. Неудача картины вызывает в ней чувство стыда, которое она сохраняет на протяжении всей жизни. То обострительство, что сама она создала в фильме актерский шедевр, ее несколько не утешает. И ради одного этого есть смысл навсегда положить в архив такую, например, ленту, как «Сегодня — новый аттракцион». Актриса заслужила это право ролями, которые стали гордостью советского кинематографа. Розой Скороход из роммовского фильма «Мечта», которая была жестоко наказана одиночеством за то, что узурпаторски захватила власть над людьми, отверженными капиталистическим миром. Фрау Вурст — живым олицетворением пивной кружки и нацистского цинизма из фильма «У них есть Родина». Лелей в «Подкидыше» и Маргаритой Льбовной — наивной интеллигентной приживалкой в кинокомедии «Весна». И еще многими «маленькими» ролями, которые Раневская обессмертила на киноэкране.

Теперь она — старая Люси Купер, жена Барка Купера из спектакля театра имени Моссовета «Дальше — тишина». Зрители с шепотом грустно и вместе с тем гордостью за достоинство человека следят за ее судьбой, отранутую детьми, за двумя стариками, которые стали нежеланными на этом свете из-за меркантильности и циничного прагматизма собственных детей. И Раневская, на этот раз вместе с Ростиславом Пляттом, одерживает победу над позорным равнодушием тех, кто требует от родителей «уступить место». Есть трагедия, но есть и большее — поэма о любви, о прекрасном человеческом содружестве, о верности. И эта роль Раневской вошла в нашу жизнь.

И, как это бывает от каждой встречи с искусством этой актрисы, мы дивимся ее художнической храбрости, умению перевоплощаться полно, совершенно. Дивимся остроте и неожиданности ее красок. И глубинности ее потрясений. И доброте ее взгляда на мир и человека. И станем больше уважать себя и ближнего, подумав еще раз о том, как был прав Юрий Олеся, утверждая, что каждый человек — целая планета. И все это дало нам искусство Фаины Григорьевны Раневской.

А. КРАВЦОВ.

пер
"Сов. Россия", 1976
27 авг. Ч. 201